

УДК 82.091

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(методологический аспект)**

А.Ш. Бик-Булатов

Аннотация

В статье анализируются современные подходы к изучению истории отечественной журналистики, формулируются требования к новейшей концептуализации научной дисциплины в контексте современных процессов модернизации журналистского образования в России. Дается авторская концепция по представлению и изучению истории журналистики, основанная на предметно-тематическом и дискурсном подходах. Рассматриваются проблемы периодизации истории журналистики и различные способы построения учебников, закрепленные в современной методологической педагогической практике российских вузов.

Ключевые слова: история журналистики, дискурс, концепция истории, публицистика.

История журналистики как наука и учебная дисциплина переживает сейчас довольно сложный период. Современность, характеризующаяся сменой главенствовавших прежде идеологий, изменением взгляда на журналистику, переходом к информационному обществу и глобализационными процессами, которые знаменуют, по мнению ряда исследователей, «конец отдельных национальных историй», – формирует новый вызов и в отношении концептуализации истории журналистики. Другим источником развернувшихся в последнее время дискуссий о том, что же и как преподавать в рамках этой дисциплины, явился общий процесс модернизации журналистского образования, активизация интеграционных процессов в международном образовательном процессе (особенно усилившаяся после подписания Болонской декларации).

Каким образом будет вписана в этот процесс «История журналистики»? Готовы ли сами историки к этим вызовам со стороны современного общества и трансформирующейся образовательной системы? Эти проблемы всё чаще озвучиваются на исторических секциях журналистских конференций. В 2006 г. в Ростове-на-Дону прошла конференция, посвящённая преимущественно методологическим разработкам преподавания истории журналистики на современном этапе. На этой конференции был подведён промежуточный итог дискуссиям последнего десятилетия в журналистском научном сообществе.

Итог пока что не самый утешительный. Если в научной среде историков подобные дискуссии привели к значительному переосмыслению методологии

исторического познания, то «в журналистской науке, к сожалению, такой масштабной ревизии подходов, принципов, методов изучения исторических процессов проведено не было» [1, с. 18].

Как верно заметила Н.М. Тобольцева, «перестройка сломала идеологический каркас, на котором держались общественные науки, в частности и история советской журналистики» [2, с. 94]. Далее, по мнению А.Г. Беспаловой (и мы к нему полностью присоединяемся), «стала вызывать сомнение состоятельность методологического каркаса, тем более что некоторые “новые работы” на самом деле представляли “перелицовку” старых концепций, в которых просто менялись знаки – плюс на минус и наоборот. Но вопрос о том, насколько соответствует современным требованиям сложившаяся теория и практика познания в историко-журналистской сфере, по-настоящему масштабно в конце прошлого века (XX. – А.Б.) практически не ставился» [1, с. 18–19]. Виднейшие учёные вполне солидарно констатируют: назрела необходимость переосмысления методологических основ изучения истории журналистики, но пока что его не происходит¹.

История журналистики как научная дисциплина журналистиковедения сложилась только в XX в., уже после революционных событий октября 1917 г., в рамках процесса общего формирования советской гуманитарной науки. Первые советские исследователи истории журналистики и публицистики (Б.П. Козьмин, В. Евгеньев-Максимов и др.) внесли огромный вклад в изучение дореволюционных демократических печатных изданий, творчества отечественных публицистов, общей ситуации в обществе и в журналистике того времени, первыми задумались об этапности русской журналистики и о её направлениях, разрабатывали новую терминологию в соответствии с идеологическими задачами эпохи.

Но в целом исследования по истории журналистики не концептуализировались тогда в отдельную дисциплину, поскольку их относили либо к традиционному литературоведению, либо к истории (общественных формаций). Окончательная концептуализация истории журналистики как самостоятельной молодой гуманитарной науки происходила в 50–70-х годах XX столетия.

Задачи истории журналистики были сформулированы А.В. Западковым и уточнены Б.И. Есиным: «В область истории русской журналистики как предмета изучения и преподавания... входят прежде всего следующие проблемы:

- вопросы развития периодической печати в России;
- изучение общественно-политического направления журналов и газет как выразителей идеологии и практики определённых общественных групп, их взаимоотношений и полемики между ними;
- развитие журналов и газет как специальных видов печатной продукции;
- организация и состав изданий;
- изучение и оценка деятельности виднейших редакторов, издателей и сотрудников периодической печати, анализ их литературно-публицистического мастерства;

---

¹ Так, М.М. Ковалёва полагает, что фундамент истории журналистики, который был заложен в 70-х годах XX в., в частности в отношении выбора персоналий, «до наших дней... практически не изменился» (цит. по [1, с. 22]). Р.П. Овсянян считает, что «историография отечественной журналистики в демократически ориентированном обществе только складывается» [3, с. 81].

- распространение печати и учёт реакции читательских масс на выступления журналов и газет;
- изучение деятельности цензуры и иных видов воздействия правительства и его органов на печать» (ИРЖ73, с. 6).

Складываются несколько школ истории журналистики, сильнейшие из которых работали в Ленинграде и Москве. В 60–70-е годы XX в. выходят книги по истории русской журналистики, связанные с программой вузовского курса: «Русская журналистика XVIII века» А.В. Западова (М., 1964); «История русской журналистики XVIII – XIX вв.» (М., 1973); «Русская журналистика первой четверти XIX века» и «Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839 годы)» В.Г. Березиной (Л., 1965); «История русской журналистики (1860–1880 гг.)» В.А. Алексеева (Л., 1963); «Русская журналистика 70–80-х гг. XIX в.» Б.И. Есина (М., 1963); «Русская дореволюционная газета. 1702–1917» (М., 1971). Данные пособия и издававшиеся позднее стали основными в преподавании курса по истории журналистики в советское время.

В 2000-е годы крупным событием стало издание учебника по истории журналистики в Санкт-Петербургском государственном университете под редакцией профессора Л.П. Громовой (ИРЖ3). На настоящий момент это наиболее полный из имеющихся учебников по количеству включенных персоналий публицистов и изданий. Так, по периоду второй половины XIX в. впервые включены подробные главы, касающиеся редакторско-публицистической деятельности Ивана Аксакова, редакторской деятельности А.А. Краевского и его газеты «Голос», без которых трудно себе представить полноценную картину журналистики 60–70-х годов XIX в. Вместе с тем, скажем, публицистическая деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина освещена хуже по сравнению с последним советским учебником Б.И. Есина (1989), содержащим историю и краткие аннотации основных произведений. Учебное же пособие Есина, изданное в 2000 г. (ИРЖ0), рассчитано более на самоподготовку и содержит только весьма краткие, справочные сведения, зато включает в себя хрестоматию по периоду. Петербургский учебник по своему построению схож с классическими учебниками советского времени, но отличается, как уже было сказано, гораздо более широкой и объективной картиной журналистики, свободой от давления идеологии.

Между тем в настоящее время существует запрос на новые методологические подходы в преподавании истории журналистики. Нынешний московский учебник (учебно-методический комплекс Б.И. Есина издания 2000 года), где собственно «учебник» составляет лишь треть книги (меньше примерно в три раза, нежели в учебнике Л.П. Громовой, и гораздо меньше прежних учебников Бориса Ивановича), был, по-видимому, именно попыткой предложить иной методологический принцип, когда учебник является кратким справочником, а основной упор делается на изучение текстов, представленных в хрестоматии.

Эта идея построения: справочник-учебник¹ + некая иная «основная часть» (в случае МГУ хрестоматия) – представляется нам довольно интересной. Однако в качестве основной части нами был предложен другой вариант: учебник, сосре-

¹ Предисловие Б.И. Есина так и заканчивается: «Данное пособие может служить кратким справочником. Для этого в нем выделены названия наиболее важных журналов, газет, альманахов» (ИРЖ0, с. 9).

доточенный на одной из ключевых тем публицистики, актуальных на протяжении всего периода, рассматривающий изменения содержания проблемы, основных понятий, субъектов дискуссий и т. д., то есть выявляющий дискурсные переменные. В качестве такой возможной ключевой темы нами был выбран вопрос о нигилизме, остававшийся на повестке дня с 40-х годов XIX в. до середины XX в. Идея же включения в книгу хрестоматии оценивается нами двояко: с одной стороны, хорошо (и даже необходимо), чтобы студенты побольше читали текстов, и легче это сделать, когда эти тексты частью входят в учебное пособие. С другой стороны, таким способом организованное пособие рассчитано на преподавателя с очень глубокими, содержательными и богатыми лекциями, так как непосредственного знания по истории журналистики в учебнике гораздо меньше, чем необходимо для полноты представления о предмете. Для самоподготовки студентов, как нам видится, гораздо более подходит построенный классическим образом подробный петербургский учебник.

Чтение текстов в хрестоматии не даёт представления о состоянии журналистики, основных тенденциях и коллизиях, направлениях, характере полемики, типах изданий и т. д. Когда учебная часть ужимается до столь малой доли, превращаясь, по сути, в краткий справочник, есть опасность, что студенты не получат адекватного представления об истории журналистики. Поэтому данное пособие может «работать» только в сочетании с качественными, глубоко раскрывающими предмет лекциями. Целью же нам видится создание такого учебника, который, с одной стороны, будет отвечать современным вызовам эпохи, а с другой – будет равно эффективен как в традиционном образовательном процессе, так и в режиме самоподготовки и дистанционного обучения.

В крупнейших университетах России сформировались свои школы изучения истории журналистики. Учёные Екатеринбурга и Воронежа, Ростова-на-Дону и Казани, Санкт-Петербурга и Москвы продолжают свои разработки и методологические поиски в направлении модернизации нашей науки. В 70-е годы XX в. ленинградские учёные начали разрабатывать направление «публицист и журналистика эпохи», успешно развивающееся и сегодня (монографии В.Г. Березиной, Э.Г. Бабаева, Д.А. Барабохина, Л.П. Громовой, Г.В. Жиркова, В.Б. Смирнова). Уральская школа изучает историю журналистики в контексте политической традиции и взаимоотношения прессы и власти (работы М.М. Ковалёвой, Д. Стровского и др.). В университетах Ростова-на-Дону, Воронежа и Казани активно разрабатывалось направление «личность и публицистика» с акцентом на антропоцентричности, с привлечением психологических, биографических методов (работы Я.Р. Симкина, В.Н. Бояновича, А.И. Станько, Л.Е. Кройчика, С. Гладышевой, А.А. Роот, Д.В. Туманова, Т.Н. Латыпова и др.).

Появившиеся в последнее время работы видных учёных Б.И. Есина, Г.В. Жиркова, М.М. Ковалёвой, Е.П. Прохорова, в которых рассматриваются различные подходы и методы исследования журналистики, в значительной степени актуализировали и продвинули теорию историко-журналистского познания. Однако – констатирует в обобщающем докладе 2006 года профессор А.Г. Беспалова – «они посвящены главным образом проблемам исследования системы СМИ, типологии, характера взаимоотношений СМИ с властью и т. д. Что касается изучения публицистического наследия, издательско-редакторской

деятельности выдающихся журналистов прошлого, то реального прорыва здесь не произошло» [1, с. 19].

Выделим несколько проблем в связи с организацией научного знания по истории журналистики России на современном этапе.

Первая проблема состоит в том, что представление о сущности журналистики менялось в различные эпохи. В первой трети XVIII в. журналистика в своём магистральном направлении выступает как составная часть науки, к журналистам именно как к работникам науки обращает свой первый этический кодекс М.В. Ломоносов. История журналистики в России даёт богатый материал для размышлений над судьбами науки и культуры, над их полезными начинаниями и нереализованными возможностями.

Далее журналистика перерастает рамки академической науки и выходит на широкую платформу просвещения и воспитания общества. Вместе с журналистикой складывается – в общих чертах – система русской светской словесности как формы общественного служения. Конечно, журналистики как самостоятельного института ещё нет. Есть словесность. И журналистика – как одна из возможностей словесности. Журналистику 20-х годов XIX в., по нашему мнению, нужно понимать как часть более широкого явления, а не как самостоятельный институт. Словесность рассматривалась как вариант общественной службы, наряду с военной, чиновной, духовной и т. д. Видимо, изначально, в отличие от других перечисленных вариантов служения, словесность представлялась «чистым» служением, то есть не несущим явных преимуществ материального плана, но создающим человеку имидж служителя и радетеля. Екатерина II, когда начинала своё участие в журналистике, делала это ровно с тем же посылом: прослыть просвещённой монархиней, радетельницей за Отечество.

Итак, журналистика была в то время частью словесности, и не просто частью, а одной из «площадок» для писательского служения. Были ведь и другие «площадки» – скажем, ведение дневников, или переписка, или издание книг, или участие в диспутах и заседаниях обществ. Ведь читающая и пишущая публика была невелика, во многом совпадала (и в том, и в другом случае это были главным образом представители высших сословий, профессуры, просвещённого дворянства из столичных городов). Даже некоторые письма, не будучи опубликованы, если имели характер рассуждений, приобретали весьма широкую известность «в кругах». Заседания кружков и обществ, некоторые адресные записки и т. д. нужно тоже отнести к сфере тогдашней «журналистики», ибо сужение, которое сейчас зафиксировано в учебниках истории, искусственно, ведь журналистика не воспринималась тогда отдельно от широкого поля словесности...

К 60-м годам XIX в. журналистика становится делом не просвещения, а политики. Зафиксирован факт: управление делами прессы в 1863 г. передаётся из ведения Министерства просвещения в Министерство внутренних дел. После капитализации появляется ещё один смысл журналистики: она начала восприниматься как бизнес, когда появилась по-настоящему массовая аудитория, открылись рекламные возможности, развилась розничная продажа, утвердились утренние и вечерние выпуски газет, появились экономические предпосылки спонсирования изданий и др. К рубежу веков относится установление журналистики в собственных границах, её окончательное разъединение с литературой.

В общем можно констатировать, что на протяжении различных эпох мы имеем дело с разной «журналистикой» в разных границах, между тем нынешние учебники не фиксируют этого различия и этапов формирования журналистики как социального института в его нынешних границах. Многие факты журналистики эпохи вытесняются из учебников не по идеологическим причинам, но именно из-за особенностей методологической организации самих учебников.

В результате (например, относительно 60-х годов XIX в.) мы не говорим о романах И.С. Тургенева или Ф.М. Достоевского как о фактах истории журналистики, хотя для общества того времени это было именно так. И очень важна публикация бывшим «современником» И.С. Тургеневым романа «Отцы и дети» в катковском «Русском вестнике» вскоре после смерти Н.А. Добролюбова, одного из лидеров «Современника», – важна именно для того, чтобы понимать в целом, как тогда строились отношения в журналистике. Этот молодой критик был прототипом Евгения Базарова, и взаимоотношения именно с Добролюбовым ускорили уход Тургенева из редакции, в которой он состоял более 10 лет. Так переплетаются взаимоотношения журналистов, история литературы и вопрос о нигилизме, актуальный для того времени (для понимания его важности надо припомнить и ситуацию после отмены крепостного права: крестьянские бунты, студенческие волнения, петербургские пожары – всё это составило контекст для романа «Отцы и дети», открывшего собой традицию так называемых «публицистических», или полемических романов на злобу дня, принципиально публиковавшихся в журналах и тут же подвергавшихся обсуждению во всех основных изданиях того времени).

Вторая проблема, связанная с концепцией истории журналистики, вытекает из предыдущей: сейчас, когда мы говорим о нынешней журналистике – мы говорим о процессе, однако в книгах по истории журналистики зачастую это взаимодействие мало выражено. Не показано публичного поля, не показано «правил игры», по которым жила журналистика в тот или иной период. Таким образом, мы имеем, как нам кажется, не историю журналистики, а историю периодических изданий с биографиями публицистов, в них работавших, и это же сохраняется в остаточном знании у студентов, тогда как на нынешнем уровне развития цивилизации и коммуникационных отношений очень важно именно иметь представление о журналистике как о процессе различных взаимодействий.

Точно так же необходимо и изучение публицистического наследия (конкретных текстов) вести в соотнесении с картиной дня, с другими публицистическими текстами, представлять основные темы, обсуждавшиеся в то время, и вектор этих обсуждений. Представим это на примере нигилистического вопроса публицистики, разрабатывавшегося нами специально.

Исследование этой темы привело нас к выводу, что нигилист 60-х годов XIX столетия и нигилист рубежа XIX и XX вв. – это два разных типа. Изменялся объём понятия *нигилист*, поднимались новые вопросы, которые составляли «окружение» этой темы в публицистике (в 50-е годы XIX в. – материалистическая философия; в 60-е годы – политическое революционно-демократическое течение и крестьянский вопрос; в 70-е годы – политический терроризм и народничество; в 80–90-е годы – тема пролетариата и интеллигенции, обновления христианства, духовных исканий, идеализма, противостояния либералов и социалистов и др.).

История публицистики – не как анализ отдельных произведений, а как история развития основных тенденций публицистики, трансформации тем, история выдвижения тех или иных жанров и причины, обусловившие именно такие жанровые предпочтения в разные эпохи, – видимо, ещё не написана.

Некоторые методические изыскания мы находим в докладах конференций за последние годы, однако полноценных учебников, составленных по новым принципам, до сих пор не издано. М.М. Ковалёва предложила подумать над изменением традиционной периодизации истории журналистики. В самом деле, нынешняя периодизация сложилась ещё в советскую эпоху и опиралась на известное ленинское деление. «История рабочей печати в России, – писал В.И. Ленин, – неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путём. Освободительное движение в России прошло три главных этапа, соответственно трём главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский, или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время» (цит. по (ИРЖ73, с. 2)).

Сейчас мы свободны от односторонней идеологизации истории, обоснование периодизации журналистики через «этапы освободительного движения» представляется недостаточным, ибо эти этапы не совсем точно соотносятся с этапами развития журналистики как таковой. Уральские учёные предложили в качестве основного критерия новой периодизации взять «государственную политику в области СМИ» [4]. Периодизация будет выглядеть следующим образом: а) «первый период истории отечественной журналистики есть период монополии правительства на печатное слово», длится он, по мысли М. Ковалёвой, с 1703 по 1759 гг.; б) второй период охватывает эпоху с 1759 по 1862 гг.: «с возникновением частноиздательской практики журналистика в России утверждается как профессия, служащая всему обществу, и заявляет о своём праве критиковать власть»; в) наконец, третий период – с 1862 по 1918 гг. – обусловлен складыванием «системы печати» [4, с. 87–88].

Ценность этой концепции заключается в том, что авторы пытаются использовать для периодизации журналистики фактор, присущий непосредственно журналистике (в сравнении с ленинскими фазами общественного движения). Однако, по нашему мнению, выбранный исследователями фактор государственной политики в СМИ – не достаточное основание для периодизации, это всё ещё внешний критерий по отношению к журналистике. Он не объясняет установленных границ журналистики, различия журналистики и науки, журналистики и словесности (о чём мы писали выше). Выбор уральских исследователей в пользу политической организации деятельности СМИ приводит их к довольно странному заключению: «сложившаяся после принятия в 1862 г. закона о печати система журналистики в России не претерпевает кардинальных изменений до 1917 г., вследствие чего отпадает необходимость особо выделять 70-е, 80-е, 90-е гг. Это даёт определённую свободу в выборе отдельных изданий или исследовании творчества того или иного публициста» [4, с. 88].

Мы не можем согласиться с подобным выводом. Различия в журналистике 60-х и 70-х, к примеру, или 60-х и 80-х годов XIX столетия вполне принципиальны, несмотря на то что закон 1862 г. (с дополнениями и окончательной редакцией 1865 г.) действительно просуществовал 20 лет (до 1882 года). Различия эти имеются в самом содержании и характере журналистики.

60-е годы – неистовые, резкие. Это время «мальчишек» в журналистике, остро и бескомпромиссно ставящих актуальные вопросы (20-летние Н. Добролюбов, М. Антонович, Д. Писарев, Н. Ткачев). Жанры – передовая статья и внутреннее обозрение (партийные выступления на злобу дня), создаваемые на фоне лихорадки от реформы по отмене крепостного права, крестьянских бунтов, студенческих волнений и закрытия крупнейших университетов страны, петербургских пожаров и прокламаций.

В 70-е годы установились правила игры. Принят закон, заработала система контроля за СМИ, дававшая сбой в начале 60-х. Время «мальчишек» прошло, журналистика, говоря словами Н.К. Михайловского, «посерьёзнела», в журналистику начали привлекаться учёные – специалисты по общественным наукам (экономисты, социологи). Периодическая печать того времени отражает рефлексию по поводу капитализма, социалистические чаяния, кризис и переосмысление идеалов (волна самоубийств среди молодёжи). Если 60-е годы были временем тургеневских «донкихотов», резких, бросающихся биться с ветряными мельницами, то 70-е годы – время тургеневских «гамлетов», время рефлексии и анализа. Среди жанров вместо передовиц ведущее положение начинают занимать очерки (М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский) и научно-обоснованная программная аналитика.

80-е годы знаменуют собой постепенный переход от толстых журналов к газетам. Это новая журналистика, эпоха новых жанров (интервью, репортаж), которые расцветут пышным цветом в 90-е годы. Меняется содержание профессии. Если раньше для написания конкретного материала журналисту не обязательно было выходить из кабинета (так создавались программные статьи, аналитика, очерки, основанные на прежнем личном опыте, и т. д.), то с этого времени журналиста «кормят ноги». Репортёрское начало прослеживается у новых мэтров – А.П. Чехова, В.А. Гиляровского, В.Г. Короленко, М. Горького. Закрыты возможности для политической журналистики (с приходом Александра III), мастера пера больше внимания начинают уделять социально-бытовым вопросам, идут в жизнь, в журналистику прямого действия («Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Мултанское дело» В.Г. Короленко, репортажи В.А. Гиляровского, теория «малых дел» Я.В. Абрамова, газета «Неделя» и др.).

Как видим, не одной только политикой государства по отношению к СМИ должны мы определять периодичность истории. Другие представители уральской исторической школы несколько уточнили позицию. Доцент Л.М. Макушин предлагает использовать для концептуализации истории журналистики теорию социальных полей П. Бурдьё: «Можно изобразить социальный мир как многомерное пространство, состоящее из множества полей: политического, экономического, правового, научного, конфессионального, журналистского и т. д. <...> Пространственное развёртывание отечественной печати в XVIII – XIX вв. зависело, во-первых, от исторически сложившейся иерархии полей, в которых так

или иначе закреплялась журналистика, и, во-вторых, от места, которое отводилось ей во внутреннем субординационном построении каждого поля» [5, с. 27].

Л.М. Макушин в целом поддерживает концепцию периодизации, предложенную М.М. Ковалёвой, ибо «доминирующим являлось поле государственно-политическое. Оно вызвало к жизни журналистику. Прямо устанавливало для неё места пребывания и правила поведения – цензурный режим. На этом главенствующем уровне принимались решения о праве других полей иметь свою прессу» [5, с. 27].

Исследование социальных полей для понимания основных процессов журналистики в её историческом развитии, безусловно, важно. Однако при этом не следует подменять предмета нашей науки, основой которой всё же служит непосредственно журналистика. По нашему мнению, периодизация истории должна основываться прежде всего на фазисах развития самой печати, нежели только на уровнях взаимодействия между различными социальными полями (в том числе в сфере журналистики). При этом, конечно, учёт этого взаимодействия необходим, он по-новому концептуализирует всю историю журналистики, являясь одним из методологических подходов к познанию истории. Тем не менее «универсальной отмычкой» для постижения всей истории журналистики этот подход, по всей видимости, не станет. Впрочем, возможны ли тут в принципе какие-нибудь единственные решения? Вопрос этот, безусловно, имеет характер риторический.

По нашему мнению, в основе периодизации журналистики в первую очередь должен быть ответ на вопрос, что представляла собой журналистика в тот или иной период. В этой связи нами были выделены следующие этапы:

1-й период: становление светской журналистики (наряду с существовавшей много веков и продолжающей развиваться духовной публицистикой) и поиск ею своего места в системе социальных институтов, переход от символа государственности и статусного значения (петровские «Ведомости») до первоначального встраивания в систему отечественной науки («Санкт-Петербургские ведомости» при М.В. Ломоносове);

2-й период: расширение функций и значения журналистики (от «науки» до «просвещения») – развитие просветительской журналистики (от Н.И. Новикова до А.Н. Радищева), поиск своей ниши в складывающейся системе светской словесности, появление энциклопедических журналов;

3-й период: журналистика как организатор общественного мнения, воспитатель гражданина (от революционного просветительства Радищева через патриотическую кампанию 1812 года вплоть до В.Г. Белинского, от энциклопедических – к классическим толстым журналам);

4-й период: журналистика как фактор политической жизни (уже не «наука», а «политика»; с 1863 года за журналистикой следит не Министерство просвещения, а Министерство внутренних дел);

5-й период: с 80-х годов XIX в. журналистика не только выступает в политике, но и становится бизнесом, происходит постепенное размежевание с литературой, выделение журналистики в самостоятельный социальный институт, развивается газетная журналистика и т. д.

Что такое «журналистика» в ту или иную эпоху и как это зафиксировать в учебниках? Пока что учебников, написанных согласно этому принципу, нет,

однако сама постановка вопроса вполне осознаётся учёными и продвигается на примере конкретных тем. На конференции 2010 года в Санкт-Петербурге¹ профессор Г.В. Жирков, в частности, напомнил о существовании в самом начале двух подсистем зарождавшейся журналистики (духовной и светской), посетовав на то, что в существующих учебниках по истории журналистики наличие этих подсистем не отражено².

Вторым фактором определения периодизации должна стать тематика и характер освещения проблем в те или иные эпохи. Особенно актуальным этот фактор становится начиная со второй половины XIX в., когда окончательно складывается система печати. Мы предлагаем для этого периода изучать журналистику по десятилетиям.

50-е годы (от восшествия на престол Александра II до реформы 1861 года) – это эпоха ожидания реформ, гласности, «потепления» после окончания эпохи «мрачного семилетия», время оптимизма, смешанного с тревогой, появления новых изданий, возвращения в легальную журналистику общественно-политических тем (в связи с отменой прежних цензурных ограничений).

60-е годы (до 1868 г. – даты выхода «Отечественных записок» в обновлённой редакции Некрасова) характеризуются формированием двух крайних полюсов – «Современника» и «Московских ведомостей», поляризацией общественных сил. Переживание «великих реформ», по сути, окончилось вместе с первым покушением на императора (каракозовский выстрел в апреле 1866 г.).

И далее – уже упоминавшиеся здесь 70-е годы (вплоть до убийства Александра II в 1881 г.), затем 80-е и 90-е, когда среди тем публицистики бурно обсуждается рабочий вопрос, активную полемику ведут марксисты и народники, начинают выпускать свои издания русские символисты.

Подобный принцип периодизации не раз опробовался нами при преподавании дисциплины в Казанском университете и вполне себя оправдывает, помогая студентам лучше запоминать основные тенденции развития журналистики. При этом ущемления других тем за счёт лекций по периодам не происходит.

Summary

A.Sh. Bik-Bulatov. Conceptualization of the History of Russian Journalism in the Modern Period (Methodological Aspect).

This article analyzes the main approaches to the study of the history of Russian journalism, formulates the requirements to a newest conceptualization of the scientific discipline in the context of the modernization of Russian education in journalism, and describes the author's conception of presenting and studying the history of Russian journalism, based on the discourse and thematic methodological approaches. The work also considers the problems of periodization of the journalism history as well as different methods for compiling text-books, established in the modern teaching practice of Russian higher education institutions.

Key words: history of journalism, discourse, conception of history, social and political journalism.

¹ Средства массовой информации в современном мире – 2010: петербургские чтения (Санкт-Петербург, 21–22 апр. 2010 г.).

² Исключением по большому счёту является только учебное пособие, составленное самим Геннадием Васильевичем, «История цензуры в России XIX – XX вв.», где этой теме посвящено два параграфа вводного раздела.

Источники

- ИРЖ0 – *Есин Б.И.* История русской журналистики (1703–1917). – М.: Флинта: Наука, 2000. – 463 с.
- ИРЖ3 – История русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. Л.П. Громовой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 672 с.
- ИРЖ73 – История русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. проф. А.В. Запавова. – М.: Высш. шк., 1973. – 516 с.

Литература

1. *Беспалова А.Г.* Методология и методы изучения истории отечественной публицистики: актуальные проблемы // Историческое развитие отечественной и зарубежной журналистики в контексте современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: Логос, 2006. – С. 18–25.
2. *Тобольцева Н.М.* Историко-гносеологические корни современных концепций истории отечественных СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 93–115.
3. *Овсеян Р.П.* О расширении объекта изучения истории отечественной журналистики XX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 80–92.
4. *Ковалёва М.М.* Периодизация как основа изучения истории отечественной журналистики // Журналистика в 2003 году: обретения и потери, стратегии развития. Материалы науч.-практ. конф. – М.: Моск. гос. ун-т, 2004. – С. 86–88.
5. *Макушин Л.М.* Типология журналистики в историческом ракурсе // Средства массовой информации в современном мире: Тез. науч.-практ. конф. – СПб., 2003. – С. 27–28.
6. *Тюпа В.И.* От поэтики к риторике // Дискурс. – 2007. – № 14/15. – С. 6–33.

Поступила в редакцию
26.06.12

Бик-Булатов Айрат Шамилевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Aiaibikbik@mail.ru